

© 2008 г.

А.И. ИВАНЧИК. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература и история. Москва–Берлин: Палеограф, 2005. 312 с. (Pontus septentrionalis III)

Автор обсуждаемой книги широко известен и у нас, и за рубежом прежде всего как исследователь ранней истории киммерийцев и скифов. Начав эту работу еще в студенческие годы, А.И. Иванчик опубликовал в 1993 г. основательную книгу о киммерийцах в Передней Азии¹, дополненная и исправленная русская версия которой вышла в 1996 г.² Этот труд был посвящен письменным, в первую очередь клинописным свидетельствам о пребывании киммерийцев и скифов в Передней и Малой Азии; особую ценность ему придает хрестоматия клинописных источников, где они представлены с учетом новейших колляций текстов и интерпретаций. Следующий большой труд А.И. Иванчика посвящен археологическому аспекту киммерийско-скифского комплекса проблем, а именно – хронологии пред- и раннескифских памятников, а отчасти и их более конкретной этнической атрибуции³. В своей новой книге, во многом подготовленной рядом статей последних лет, А.И. Иванчик возвращается к письменным источникам, на сей раз

¹ *Ivantchik A.* Les Cimmériens au Proche-Orient. Fribourg – Göttingen, 1993.

² *Иванчик А.И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VI веках до н.э. М., 1996.

³ *Он же.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.

почти исключительно античным. Как и предыдущая, эта книга тоже вышла одновременно на немецком языке⁴.

Автор отмечает весьма значительный прогресс в изучении греко-варварских взаимоотношений в Северном Причерноморье. Однако «...предыдущий, доколониизационный, период отношений степняков с античным миром специально практически не исследовался. В то же время античные представления о степных варварах формировались именно в это время» (с. 13). «Впоследствии, – продолжает А.И. Иванчик, – они существенно менялись из-за изменения характера отношений со степняками, однако многие представления, восходящие к раннему периоду, и сформировавшиеся на их основе традиции сохранялись в античной литературе вплоть до ранне-византийской эпохи. В течение всего этого времени они продолжали влиять на античную традицию... обрасали комментариями и служили элементами различных ученых построений. Поэтому для того, чтобы адекватно представить себе историю отношений между античной цивилизацией и степняками, необходимо специально проанализировать самый ранний период этих отношений... и выделить восходящие к нему элементы античной традиции. Именно это является задачей данной работы» (там же).

В главном с этими емкими характеристиками нельзя не согласиться. Правильнее было бы, однако, говорить об отсутствии именно обобщающих исследований данных античной традиции о так называемом доколониизационном периоде отношений с номадами, который включает в себя контакты, имевшие место в Малой Азии. Ведь об отдельных аспектах проблемы на самом деле написано не так уж мало (отметим, между прочим, отсутствие в книге историографического раздела), а сам А.И. Иванчик не касается даже вкратце традиции о киммерийцах в Северном Причерноморье.

Если мы заглянем в избранную библиографию работ по античной истории и источниковедению Северного Причерноморья А.В. Подосинова примерно за последние 100 лет⁵, то обнаружим, что ее раздел «Специальные исследования литературной традиции о Северном Причерноморье» занимает всего пять страниц. Хотя А.В. Подосинов предусмотрительно назвал свою библиографию избранной и в ней не учтены сочинения, написанные западными исследователями, в целом эта безотрадная картина отсутствия подлинной научной активности в данной области отражает действительность. Если же просмотреть библиографию внимательнее, то обнаруживается тот, известный, впрочем, и без нее, факт, что подобные работы принадлежат главным образом не специалистам – филологам и историкам-антиковедам, а археологам. Известно и то, что в советские времена изучение античного Северного Причерноморья вообще постепенно почти полностью перешло в руки тех же археологов, лишь немногие из которых (преимущественно старшего поколения) обладали должной квалификацией для работы и в письменными источниками. А ведь известная подготовка необходима и для того, чтобы по крайней мере адекватно воспринимать написанное специалистами.

В этих обстоятельствах появление источниковедческих работ, посвященных литературным источникам о Северном Причерноморье или основанным на их правильном анализе исторических, является событием. Тем более значительным, если они принадлежат исследователю такого уровня, как А.И. Иванчик, который – à propos – является еще и весьма подготовленным специалистом по античной эпиграфике Северного Причерноморья.

При такой слабой разработанности источниковедения античного Северного Причерноморья и пограничных проблем, а также с учетом лакунарности традиции рецензируемый труд и должен выглядеть именно так, как он выглядит: перед нами, собственно, серия очерков или этюдов, при этом довольно удачно структурированная (только гл. 2.2 явно стоит не на своем месте). А.И. Иванчик стремится к исчерпывающему анализу всей совокупности источников, не ограничивая себя рамками какой-то одной специальности. Поэтому в его новой книге мы найдем и критику текста любого уровня (от вопросов рукописного предания до палеографического анализа), и собственно филологическую интерпретацию, и сопоставление данных античных и восточных источников (аккадских и библейских), и лингвистический анализ, и привлечение фольклорных параллелей и даже иконографических данных.

Начинает А.И. Иванчик, естественно, с гомеровских свидетельств о загадочных народах в «Илиаде» N 3–6 и о киммерийцах «Одиссее». Продвигаясь от текста «Илиады» к его рецепции поэтами арахайской эпохи («Каталог женщин») и позднейшим толкованиям, а затем к интер-

⁴ *Ivantchik A.I. Am Vorabend der Kolonisation. Das nördliche Schwarzmeergebiet und die Steppennomaden des 8.–7. Jhs. v. Chr. in der klassischen Literaturtradition. Mündliche Überlieferung, Literatur und Geschichte (Pontus septentrionalis III). Moskau u.a., 2005. 310 S.*

⁵ Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 373–391.

претациям современных ученых, автор путем скрупулезного анализа приходит к ряду немало-важных выводов. Авторы доэллинистической эпохи различали «дивных доителей кобылиц, млекоедов» и «абиев, справедливейших из людей». Похоже, что слово ἄβιοι у Гомера выступает в качестве этнонима, во всяком случае толкования его из греческого (начиная с античных ученых) не дали результатов. Но в таком случае перед нами действительно варварский этноним, каким-то чудом дошедший до греков (подобно имени киммерийцев в «Одиссее»), однако А.И. Иванчик останавливается на полпути и не решается сделать такой вывод. «Доители кобылиц», соотнесенные со скифами в «Каталоге женщин», вплоть до позднеклассического времени рассматривались отдельно от абиев; как справедливо заключает А.И. Иванчик, судя по всему, только Эфор приписал эпитет абиев скифам-глагофагам Гомера-«Гесиода» и, таким образом, именно ему принадлежит авторство концепции, идеализирующей скифов (точнее, части их)⁶. Замечание автора, что «текст Гомера не принадлежал к числу источников этой идеализации» (с. 33), мне, однако, непонятно: сам же А.И. Иванчик пишет ниже (с. 34), что он послужил Эфору авторитетнейшей опорой; совершенно неважно, что истолкование им гомеровских строк было при этом фактически произвольным.

Умело пробываясь через хитросплетения античных толкователей этих строк «Илиады», представленные вдобавок сплошь в фрагментах, исследователь, в числе прочего, анализирует рассуждения Страбона – VII. 3. 7 (с. 301) о том, что до контактов с греками многие народы, в том числе скифы, были лучше, а «после знакомства с морем» падение нравов затронуло даже номадов; разумеется, эти слова следует рассматривать в рамках концепции Эфора и его последователей (с. 45 сл.)⁷. К сожалению, А.И. Иванчик упустил из виду параллельное место у Страбона – VII. 4. 6, где эта мысль изложена более подробно и с деталями, опущенными в VII. 3. 7: в Скифии обитают довольно благоприятные даже сейчас Номады, а в Таврике – Земледельцы (Γεωργοί), теснее соседствующие с греческими городами и морем, а значит, полностью испорченные цивилизацией. Не мешало бы указать и на неприемлемость встречающихся до сих пор⁸ попыток использовать эти места как собственно исторический источник, не задумываясь об их характере, хотя о нем писал еще М.И. Ростовцев⁹.

Весьма остроумно, но едва ли доказуема догадка А.И. Иванчика о появлении скифов-абиев у Арриана и Курция Руфа (их посольство прибыло к Александру) в результате описки в общем источнике обоих авторов: «например, ΑΒΙΟΙ вместо ΑΡΙΟΙ», к др.-иран. *агуа- ‘арии’ (с. 48). Такая путаница, однако, едва ли вероятна, учитывая, что грекам со времен Геродота был известен этноним Ἀριεῖοι (ср. Αργ. Απab. IV. 6. 6 и III. 25. 1: Ἀριεῖα, правда, восходящий не к *агуа-, а к др.-перс. Haraiva- (совр. Герат); с эллинистического времени известна и область Ἀριανή < *Ar(i)uana-, от *агуа-. Вполне возможно, что этноним этих скифов действительно был созвучен гомеровскому ἄβιοι (ἄβιοι) или даже идентичен с ним (ср. выше), например, *āb(i)ya- или *ābaaya-, к др.-иран. *āb(ā)-, др.-инд. ābhā- ‘блеск, сияние, красота’ (сюда же имя царя сираков Ἀβέακος, Strabo. XI. 5. 8?); или к *habā-, др.-инд. sabha- ‘собрание’? А.И. Иванчик, конечно, прав, что «комментарий к “Илиаде” не был задачей биографов Александра», но заключать, что раз «упоминание абиев даже у Арриана и Курция Руфа сделано походя», то и в «их источнике о них, видимо, говорилось еще более лаконично» (там же), едва ли оправданно. Людям той поры «Илиада» была не просто прекрасно знакома, но ввиду особого пристрастия Александра к Гомеру, встреча с гомеровским народом, о котором до сих пор было известно только из книг, должна была скорее вызвать фурор в окружении Александра. Весьма возможно, знакома была им и только что появившаяся «История» Эфора (ср. Plut. Mor. 1043 = FGrHist. 70. T 6: Александр приглашал (безуспешно) Эфора сопровождать его в походе), важная, во-первых, тем, что она являлась первой всеобщей историей (Polyb. V. 33. 2), а во-вторых, отличалась особым вниманием к этнографии. Краткость (хотя весьма относительная!) гомеровческих комментариев Арриана и Курция Руфа объясняется прагматическим характером и стилистикой обоих сочинений (а их расхождения, возможно, лишь тем, что каждый сокращал источник по-своему); к тому же к их времени об этих строках Гомера были написаны уже целые библиотеки.

⁶ См. об этом *Тохтадьян С.А.* Идеализация скифов. Эфор и предшествующая традиция // Проблемы античного источниковедения. М.–Л., 1986. С. 55–57.

⁷ О Νομάδες как термине Эфора (очевидно, из геродотовского «скифы-номады») см. FGrHist. 70. F 42 ap. *Strab.* VII, 3, 9; F 158 ap. *Ps.-Scymn.* 859 sq. Diller = F 15a Marcotte.

⁸ Так поступает в комментариях к своему изданию VII книги даже такой понимающий филолог, как Р. Баладье: *Strabon. Géographie. Livre VII (T. IV) / Texte établi et traduit par R. Baladié.* P., 1989. P. 206. Not. 3.

⁹ См. подробнее *Тохтадьев С.Р.* Scythica в Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья // ВДИ. 1984. № 3. С. 140 сл.

В разделе о локализации млекоедов и абиев «Илиады» (с. 51 сл.) А.И. Иванчик отвергает идею, согласно которой они помещаются Гомером в глубине Малой Азии, традиционно локализуя их к северу от европейских фракийцев и мисийцев (абии как мифический народ должны жить где-то неопределенно на краю света, но все равно дальше мисийцев). В целом проблема рассмотрена, однако почему-то слишком кратко, если не сказать бегло. Один из главных вопросов – интерпретация выражения Гомера (Ζεύς) πάλις τρέπεν ὅσσε – вообще не затронут автором, хотя с него, по-видимому, и следовало бы начинать; если чисто филологически оно, кажется, не поддается вполне определенному решению, это еще не основание оставлять его за рамками изложения вовсе. Не думаю, что автору составило бы много труда разобраться в давно уже собранных данных о европейских мисийцах, хотя здесь ему пришлось бы вступить на более чем зыбкую почву фракийского языкознания; впрочем, он сам сомневается (напрасно) в их реальности, допуская, что они появились на Балканах вследствие поздней «интерпретации именно анализируемого места, основанной на созвучии двух названий» (с. 52). Однако фракийцы у Гомера уже бесспорно обитают только в Европе по ту сторону Геллеспонта и далее по северному берегу Эгейского моря¹⁰, что и является отправной точкой для правильного понимания географии этого отрывка.

В следующем разделе (с. 53–66) А.И. Иванчик анализирует знаменитое гомеровское упоминание киммерийцев, начиная, как и в предыдущем, с рукописного предания и античных толкований этих строк. Разбирать этот раздел мне непросто, я и сам много занимался античной традицией о киммерийцах, в частности киммерийцами «Одиссеи» и позднейшими спекуляциями вокруг них, и мои представления по этому комплексу проблем нередко расходятся с идеями А.И. Иванчика, что и естественно: слишком уж сложен вопрос.

Автор с полным основанием поддерживает тех исследователей, которые настаивают на аутентичности самого упоминания имени киммерийцев в «Одиссее». Чтения, замещающие Κίμμερίων у некоторых эллинистических ученых, являются лишь их конъектурами, которые не имеют никакой научной ценности; догадки о поздней интерполяции не только ничем серьезно не подкреплены, но и противоречат внутренней критике текста (образ киммерийцев, представляющих собой «народ и полис», никак не подходит для интерполятора, который должен был бы уже знать о киммерийцах как о номадах).

Я бы добавил к этим и прочим соображениям автора следующее. Имея в виду аккадские формы этнонима киммерийцев (из всех написаний следует предпочесть gi-MIR-га-а-а и т.п. с транскрипцией Gimer^{o11}), у Гомера ожидалось бы *Κίμμερων, а не Κίμμερίων. Если Каллин (fr. 3 Gentili – Prato) употребляет Κίμμεριοι как существительное (Κίμμερίων στρατός), то у самого Гомера Κίμμερίων формально может рассматриваться в качестве прилагательного. Очевидно, форма с исконно адъективным -ιο-, включенная в формульную фразу (ср. πλάζेत ἐπ' ὄλλοθρόων ἄνδρων δῆϊόν τε πόλιν τε (ξ 43) и сходно о феаках в ζ 3)¹², образована metri causa по модели аппозитивных сочетаний типа Μεσσήνιοι ἄνδρες (φ 18). Вместе с этимологической неоправданной геминатой¹³ перед нами яркое свидетельство того, что вся – начиная с Каллина – греческая словесность, знающая этноним только в такой форме¹⁴, восприняла ее именно у Гомера¹⁵.

А.И. Иванчик предполагает, что образ обитающих в вечном мраке киммерийцев объясняется лишь тем, что они помещены в Океане, где-то при входе в царство Аида. Но каковы конкретные причины именно такой локализации? «Одних только сведений о них как о жителях необычайно далекой северной... страны для этого, пожалуй, недостаточно: “доители кобылиц” и абии “Илиады” лишены каких-либо эсхатологических черт»¹⁶. Прочие баснословные народы гомеровских поэм, живущие опять-таки на краю света, – тоже. При этом киммерийцы, в отличие, например, от феаков, являются историческим народом, никто из них больше не обитает именно вне пределов освещаемой Гелиосом земли, у «пределов глубокотекущего Океана», куда

¹⁰ Непонятно, где в «Илиаде» А.И. Иванчик обнаружил указание, что «земли азиатских фракийцев расположены далее к востоку» от мисийцев (с. 52).

¹¹ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации... С. 146 слл.

¹² Ср. там же. С. 141.

¹³ Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 40 сл.; Tokhtas'ev S.R. Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // Hyperboreus. 1996. 2/1. S. 34–36.

¹⁴ Ср. также ионийское метрическое граффито начала V в. из Ксанфа CEG 465: Κίμμερίος με ἔκλυε[ν], ἐτεῖτ' ἐκπνέ μ' ἀμυστίν.

¹⁵ См. подробнее Тохтасьев С.Р. К орфографии рукописей Гомера в архаический период: I // Colloquia classica et indogermanica. III. СПб., 2007 (в печати).

¹⁶ Алексеев, Качалова, Тохтасьев. Ук. соч. С. 50.

прибыл корабль Одиссея (ἐς πείραθ' ... βαθυρόου Ὠκεανοῖο, λ 13); параллель в виде Hes. Theog. 215, 275 показывает, что имеется в виду некая суша по ту сторону потока – πέρην κλυτοῦ Ὠκεανοῖο, где, согласно Гесиоду, живут совершенно волшебные существа – геспериды и гарпии, но никак не люди, каковыми являлись киммерийцы (δειλοῖσι βροτοῖσι, λ 19). Мне представляется поэтому, что объяснение А.И. Иванчика сильно упрощает проблему, над которой совсем неспроста бьются так давно. Я по-прежнему не вижу ничего невероятного в предположении, что образ киммерийцев «Одиссея» мог быть инспирирован и какими-то реальными фактами; однако ссылка на описание дельты Фасиса в гиппократовском трактате π. ἀέρων 15 дана у меня лишь *exempli gratia*, к чему, естественно, располагала высказанная тут же гипотеза о возможном отражении у Гомера факта присутствия киммерийцев в районе Колхиды¹⁷. Речь идет о возможном происхождении гомеровского упоминания киммерийцев из более древней поэмы об аргонавтах, плавание которых в Эю, рано отождествленную с Колхидой, уже в этой «Аргонавтике» соотносилось с Понтом. Приятно отметить, что А.И. Иванчик разделяет эту мою догадку, подкрепляя ее рядом соображений и используя новейшую литературу (с. 59–64)¹⁸.

В итоге исследователь заключает: «...в момент написания «Одиссеи» ее автор не имел никаких сведений о киммерийцах, кроме их имени»¹⁹. «Образ этого народа... противоречит не только его реальному облику... но и тому представлению о киммерийцах, которое существовало во всей более поздней античной традиции, начиная с момента реального знакомства греков с киммерийцами». Таким образом, заодно определяется и *terminus ante quem* для написания «Одиссеи» – не позднее 670-х годов до н.э., как датируются в ассирийских источниках сведения о первых нападениях киммерийцев на Лидию (и, добавлю, на Фригию²⁰). Все попытки омолодить гомеровские поэмы вплоть до второй половины VII в. до н.э. или, наоборот, удревить их едва ли не до IX в. (с. 14, 64; сам А.И. Иванчик склоняется ко второй половине VIII в. для «Илиады» и к концу VIII в. для «Одиссеи») наталкиваются на непреодолимое препятствие в виде упоминания киммерийцев (с. 64).

Обширная и насыщенная материалом и идеями гл. 1.3 посвящена Черному морю в древнейших представлениях греков. А.И. Иванчик, развивая идеи некоторых ученых, доказывает, что до начала колонизации греки представляли себе Черное море частью Океана, а лучше сказать, северным отрезком его течения – изначально греки представляли себе Океан рекой, обтекающей по кругу всю сушу. На окраинах земли (πείρατα γαίης), по берегам Океана (παρ' Ὠκεανόν, как, например, у Hes. Op. 171, об Островах блаженных; ср. также δ 563–568) и прямо в его водах (как Эя, остров Кирки) локализовались всякие диковинные страны, народы и мифические персонажи. Поскольку долгое время грекам было, наверное, известно только о существовании некоего водного бассейна к северу от Эгеиды, бытование такого рода представлений самое позднее до начала колонизации не кажется невероятным. Другое дело, что осталось от них в позднейшей традиции. Это и пытается выяснить А.И. Иванчик, с большой основательностью, но, на мой взгляд, все же не везде успешно.

Не понимаю, как А.И. Иванчик смог усмотреть «прямое указание» на эту традицию в словах Страбона (I. 2. 10): «...тогдашние [люди] (ср. современники Гомера) принимали Понтийское море за некий другой Океан и думали, что плавающие туда удаляются (от земли) равным образом, как те, что вышли далеко за (Геракловы) Столпы». А ведь исследователя должны были бы сразу же насторожить слова ἄλλον τινὰ Ὠκεανόν. Страбон обосновывает здесь свое убеждение, что Гомер хорошо знал географию, но просто излагал ее средствами поэзии, откуда мифологическая окраска многих его описаний. Перед нами, таким образом, даже не ученое умозаключение, сделанное на основе локализации плаваний Одиссея в Понте (о ней Страбон прямо говорит ниже), но всего лишь доказательство метафорического применения Гомером термина «Океан» для моря, которое по размерам своим является чем-то вроде океана; ср. дальнейший текст: «Ведь Понтийское море (sic) считалось самым большим из всех в нашей части ойкумены» и т.д. (иначе говоря, на самом деле Гомер якобы знал, что Понт – море, а никакая не заводь Океана).

¹⁷ Там же. А.И. Иванчик воспринял это чересчур серьезно: «...С.Р. Тохтасев полагает, что здесь может иметься в виду реальный ландшафт туманной дельты Фасиса» (с. 57, прим. 23).

¹⁸ Боюсь, что утверждение А.И. Иванчика, будто я предполагал «...в качестве альтернативной возможности... локализацию киммерийцев «Одиссея» в Северном Причерноморье и их отождествление с «доителями кобылиц»» (с. 64, прим. 58) – лишь следствие невнимательного чтения (в работе, завершающейся выводом о фиктивности северопонтийской локализации киммерийцев это было бы совсем странным).

¹⁹ Это не вполне корректно: некоторые сведения имелись, пусть и совершенно мифическоего толка.

²⁰ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации... С. 71–77.

У меня с самого начала не вызывала никакого доверия теория Х. Хоммеля, разделяемая А.И. Иванчином (с. 69) и привлекаемая им для доказательства тезиса о Понте-Океане, что Ахилл первоначально был божеством-владыкой мертвых и лишь у Гомера выступает в роли героя, хотя в виде рудимента древнее представление об Ахилле-боге будто бы засвидетельствовано в «Одиссее», а когда в эпоху колонизации местопребывание Ахилла – Острова блаженных – было отождествлено с Левкой, его культ отчасти сохраняет здесь исконные черты. В отношении мнимого гомеровского свидетельства теория Хоммеля была убедительно опровергнута Дж. Хукером (контраргументы А.И. Иванчика, не затрагивающие сути дела, не убеждают)²¹. Распространенная же в литературе точка зрения, согласно которой Ахилл почитался на о-ве Левка и в Ольвии в качестве бога (или некоего «бога-героя»)²², опровергается словами так называемого гимна Ахилла с о-ва Березань около начала II в. н.э.²³, где о нем прямо сказано: «равный бессмертным богам» (ἄθα[νάτοι]σιν ἴσος) и где он вдобавок назван «Эакидом» – внуком (а не сыном) Эака, т.е. так, как уже у Гомера (I. 184; λ 472).

По мнению А.И. Иванчика, который вновь подробнейшим образом рассмотрел весь мифографический материал о перенесении Ахилла в Элизий, можно предполагать, что «остров Левка... был отождествлен с островом блаженных во всяком случае не позже рубежа VII–VI вв. до н.э., а возможно, еще в первой половине VII в. до н.э.» (с. 77; последняя дата основана на соответствующей датировке «Эфиопиды» некоторыми исследователями, см. ниже). Эта идентификация, продолжает А.И. Иванчик, «в свою очередь, подразумевает идентификацию Черного моря с Океаном», поскольку Элизий всегда локализовали в Океане; «ионийские мореходы могли, следовательно, отождествить вновь открытый остров с Элизием только при условии, что они считали море, в котором находился обнаруженный остров, частью Океана» (там же). Такое заключение представляется мне несколько прямолинейным. Как кажется, А.И. Иванчик недооценивает рационалистические тенденции, проявившиеся в Греции, особенно в Ионии, много раньше того, когда они впервые засвидетельствованы в литературе или в традиции (например, о Фалесе). Когда греки отправлялись основывать колонии или раньше, еще только посещая далекие страны с торговыми целями, они везде искали известные им из мифологии и особенно эпоса страны, народы, города и т.д., не смущаясь тем, что те вроде как должны были находиться у Океана. Так, остров феаков, Схерия, был отождествлен с Керкирой²⁴, лестригоны локализованы в Сицилии (Κατάλ. γυν., fr. 150, 25 sq. M.–W.), но, по-видимому, и в районе будущего Кизика (вероятно, уже в древней «Аргонавтике», а отсюда – в «Одиссее»²⁵), киммерийцы – по соседству с Кумами, на Авернском озере и т.д. Механизм этих идентификаций был, таким образом, несколько иным, нежели представляет себе А.И. Иванчик: с каждым новым «географическим открытием» мифический Океан отступал от границ ойкумены все дальше и дальше. Достаточно было кораблю Колея по воле ветров достигнуть Тартесса (Herod. IV. 152. 1–3; вероятно, около середины VII в. до н.э.), как выяснилось, что и там, за Столпами Геракла, опять «одно и то же море» (Herod. II. 202. 4), и вот Океан ионийских натурфилософов становится лишь синонимом научного термина «внешнее море» (ἐξω θάλασσα). Такая же метаморфоза должна было произойти и с Черным морем. Поэтому непосредственной и обязательной связи между мифической локализацией Элизия или Островов блаженных в Океане (или у Океана) и перенесением Ахилла на Левку в Черном море, вполне возможно, и не существовало, как не было ее в

²¹ Hooker J.T. The Cults of Achilles // RhM. 1988. 131. S. 1–7.

²² Эта идея восходит к буквальному восприятию слов Диона Хрисостома (XXXVI. 14), у которого ольвиополит Каллистрат унимает иронию Диона в адрес поэзии Гомера такими словами: «Как ты видишь, Ахилл – наш бог, а Гомер почитается у нас почти наравне с богами». И без ссылок на надписи (см. ниже) ясно, что «бог» употреблено здесь в качестве метафоры, подчеркивающей необыкновенное почтение ольвиополитов к Ахиллу; почитатели Гомера должны были воспринимать Ахилла таким, каким он представлен в его поэмах, т.е. героем.

²³ SEG. XL. 601; ср. Тохмасьев С.Р. Надписи // Соловьев С.Л. Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 145 (Кат. 270).

²⁴ См. Wilamowitz-Moellendorf U. von. Die Ilias und Homer. B., 1920. S. 500 ff. О феаках в «Одиссее», правда, говорится, что они живут не у Океана, а «вдали, на сильно волнующемся море (πόντος), крайние» (ζ 204 sq.). Но в сущности это ничего не меняет: никто из других смертных не может вступить с ними в сношения по своей воле (ibid.), с этой целью их корабли плывут укрытые от людских глаз «облаком и туманом» (θ 562; та же формула в описании киммерийцев (λ 15) несет совсем другую функцию и не может свидетельствовать о сходстве образов обоих народов, т.е. о связи феаков с загробным миром, как думает А.И. Иванчик (с. 57); ср. Rohde E. Psyche. Bd I³. Tübingen, 1902. S. 83; Eitrem S. Phaiakes // RE. XIX. Sp. 1526 f.).

²⁵ См. с лит.: Алексеев, Качалова, Тохмасьев. Ук. соч. С. 46; ср. у А.И. Иванчика (с. 60–62).

случае с помещением киммерийцев на севере Понта: гомеровские строки о киммерийцах послужили лишь отправной точкой рационалистической интерпретации.

А.И. Иванчик склонен верить тому, что остров Левка, т.е. Змеиный, уже отождествленный с Элизием, был упомянут в тексте «Эфиопиды», а не только в ее пересказе у Прокла; он также не исключает, что поэма была написана не позже первой половины VII в. до н.э. (с. 74 сл., 82). Мне кажется все-таки неосторожным предполагать основание культа Ахилла на Левке за несколько десятилетий до начала колонизации Понта, основываясь на столь шатких основаниях.

Не очень убедительно выглядит и предположение, что «идентификация Черного моря и Океана еще продолжала существовать в течение последней трети VII в. до н.э., когда первые колонисты обосновались на Березани». А.И. Иванчик ссылается в этой связи на Мимнерма (fr. 10 Gentili – Prato): Иасон пришел в Эю, город Ээта на берегу Океана; а ведь Эя была тогда уже локализована в Колхиде (с. 103). Однако Мимнерм, современник Солона, всего лишь излагает здесь древние мифические представления о месте, где «в златом тереме лежат лучи быстрого Гелиоса», вовсе не заботясь о реальной географии и об установленных в ходе колонизации отождествлениях мифических стран и мест; ср. также fr. 5: Эос встает из Океана, Гелиос плывет в золотом челне от гесперид до эфиопов; аналогично – у Стесихора (fr. 185 PMG = 17 SLG), который, однако, рядом с Эрифией и гесперидами называет вполне реальный Тартесс (fr. 184 PMG = 7 SLG, ср. 8); Эрифия провожает Гелиоса в его золотом кубке-челне, рассказывает Антимах (fr. 16 Gentili – Prato); еще позже, у Еврипида, хор в «Ипполите» (742–365) заявляет о желании достичь берега гесперид, где край неба, поддерживаемого Атлантом. Перед нами всякий раз поэтические произведения, а не научные труды.

В письме на остроконе третьей четверти VI в. до н.э. из Ольвии (SEG. XLII. 710) упоминается культ Геракла в Гилее; по обоснованному мнению издателей письма, Ю.Г. Виноградова и А.С. Русаевой, которое разделяет А.И. Иванчик, это может служить косвенным указанием на то, что в Ольвии уже в это время имел хождение известный из Геродота (IV. 8 sq.) миф о том, как по пути с острова Эрифия в Океане, гоня быков Гериона, Геракл прибыл в Скифию, а именно в Гилею. Таким образом, предполагает А.И. Иванчик, здесь содержится реликт представлений о Черном море как Океане: «Греки освоили Черное море довольно быстро после основания этой колонии, однако они не могли немедленно отказаться от устоявшихся географических представлений» (с. 103). Очень остроумная гипотеза; однако мне трудно поверить, что жители Борисфена даже в начальный период существования колонии думали, что они, подобно киммерийцам, живут на берегах Океана. Далее я хотел бы вслед за И.И. Толстым обратить внимание на то, что существенную роль в рассказе играют не упоминаемые в его начале быки Гериона, а кони, у Геракла похищают именно их, а не быков²⁶. Эта важная деталь делает искусственность связи обоих мифов еще более отчетливой, так что проблема заключается не столько в необычной мифической географии, сколько в объяснении этого странного мотива, точнее, выпадения его из сюжета.

В этой главе рассыпано немало ценных мыслей и наблюдений, один обзор которых занял бы, однако, слишком большой объем. Если я сосредоточился именно на критике некоторых интерпретаций А.И. Иванчика, то только потому, что мне представляется методически ошибочным подход, предполагающий, что греки эпохи Великой колонизации и – шире – эпохи культурного переворота на каждом шагу руководствовались мифологией, тогда как на самом деле речь должна идти о ее рационалистической интерпретации вполне прагматически настроенными людьми в труднейших условиях освоения новых земель. Так было во всех других областях греческой колонизации, почему в Причерноморье должно быть иначе?

О том, как легко отыскивается мифологическая подоплека там, где ее никогда не было, свидетельствует привлечение А.И. Иванчиком романтической идеи О. Группе и И.И. Толстого относительно эпитета Понта Εὐξεινος в качестве доказанного факта: это якобы «гостеприимное море царства мертвых, принимающее мертвецов» (с. 81). А.И. Иванчика совсем не смущает, что Εὐξεινος является эвфемистической переделкой первоначального Ἀΰεινος; в чем же тогда ее смысл, если название стало еще страшнее? А.И. Иванчику, конечно, известна знаменитая работа Макса Фасмера, доказавшего, что Ἀΰεινος, в свою очередь, является грецизацией древнеиранского, скифского, как он думал, *axšaina- ‘черный, темно-синий и т.п.’. Знаком он, однако, и со статьей Р. Шмитта²⁷, который показал, что это было не скифское, а персидское название Черного моря. Таким образом, оказывается, что Ἀΰεινος, не говоря уже об Εὐξεινος, – очень

²⁶ Толстой И.И. Статьи о фольклоре. М. – Л., 1966. С. 234.

²⁷ Schmitt R. Considerations of the Name of the Black Sea // Hellas und der griechische Osten. Festschrift Peter R. Franke. Saarbrücken, 1996. S. 219–224; см. уже *idem*. Namenkundlicher Streifzug ums Schwarze Meer // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Innsbruck, 1985. S. 409–415.

позднее наименование (не ранее 540-х годов до н.э.), тех времен, когда уже было доказано, что Океан – это просто «внешнее море».

Продолжая тему Понта, могу предложить такую, гораздо более убедительную конструкцию в том же духе. Первоначально греки называли Черное море просто Πόντος. В качестве апеллатива в таком значении это слово известно только в греческом; первоначальным значением и.-е. *pont- было ‘преодолеваемое препятствие’, развившееся далее в ‘переправу через водное препятствие’ (ср. арм. hown ‘брод’, лат. pons ‘мост’, ‘гать’) и, наконец, в ‘море’²⁸. Почему, однако, именно Черное море стало Понтом κατ’ ἐξοχήν? Куда, собственно, надо было переправляться, зачем? Не через Океан ли, не к вратам ли царства Аида? Ср. Μυχολόντιον, собственное название Acherusius spesus на южном берегу Понта (Amm. Marc. XXII. 8. 17), «место переправы в пропасть», т.е. в преисподнюю; ср. μυχολέδον· ᾧς βάθος. Ἀϊδης, Phot.

Вторая часть монографии почти полностью посвящена более осязаемому материалу – античной традиции о киммерийцах и скифах в Передней и Малой Азии. А.И. Иванчик начинает с рассмотрения данных о вторжении киммерийцев в Лидию и Ионию в 640-е годы до н.э. Здесь автор более подробно и глубоко анализирует проблемы, уже рассмотренные в его книге о киммерийцах²⁹. Тщательное изучение фрагментов ранних лириков, Каллина и Архилоха, а также фрагментов их античных комментаторов и сопутствующих свидетельств (Феогний) в сопоставлении с данными клинописных источников повторно приводит автора к заключению о том, что Сарды были взяты киммерийцами только один раз, а именно при Гигесе (как у Страбона); датировка Геродота, относящая это событие ко времени Ардиса, недостоверна: она появилась в результате искусственных хронографических калькуляций; такого же рода утверждение Каллисфена о двукратном взятии Сард до времени Кира и Креза. В целом с А.И. Иванчиком следует согласиться, хотя некоторые неясности сохраняются. Согласно Каллисфену (FGH Hist. 124. F 29), в первый раз Сарды были взяты киммерийцами, второй раз – трерами и ликийцами. Смещение киммерийцев и треров или упоминания об их действиях в тандеме несколько раз встречаются у Страбона (I. 2. 21; 3. 21; XI. 8. 4; XII. 8. 7; 3. 24; XIV. 1. 40), в передаче которого дошел упомянутый фрагмент Каллисфена (XIII. 4. 8), поэтому какую-то путаницу, приведшую к дубликации одного и того же события, можно предполагать и в данном случае. Но как объяснить появление ликийцев? А.И. Иванчик уклоняется от комментариев, мимоходом замечая: «(ошибка?)». Между тем, в связи с именами киммерийских царей, два из которых он склонен считать анатолийскими, А.И. Иванчик сам писал о весьма вероятных «тесных и длительных контактах, во всяком случае политических и династических, между киммерийцами и лувийским населением Малой Азии, и специально кикийцами» (он ссылаясь на киммер. Sa-an-dak-KUR-ru, с одной стороны, и на кикийские царские имена с теофорным компонентом Sanda-, с другой)³⁰. Такие же связи могли существовать у них и с другими местными народами, в том числе с ликийцами (тоже лувийским народом)³¹, а значит, киммерийцы (если под трерами подразумеваются они) штурмовали Сарды в союзе с ликийцами. Конечно, желательно было бы увидеть в этом разделе и рассмотрение вопроса о киммерийцах и трерах, важного хотя бы тем, что именно смещение их у Страбона является единственной опорой старинной теории о фракийской принадлежности киммерийцев, а форма этнонима треров у Арриана – Τρίρες (FGH Hist. 156. F 27), оставленная А.И. Иванчиком без обсуждения (ср. с. 131), послужила поводом к созданию масштабных, но несостоятельных, этноисторических построений³².

Большой заслугой А.И. Иванчика является подробное рассмотрение (с. 120–126) самосской и приенской традиции о вторжении киммерийцев в Ионию, зафиксированной в тексте письма Лисимаха самосцам – IG. XII/6/1. 155. Этот источник многократно переиздавался и комментировался, но у нас почти неизвестен. Приенцы утверждали, что когда в Ионию вторгся с войском Лигдамис, владевшие прибрежной областью Батинетида самосцы укрылись на своем острове, бежали от киммерийцев и приенцы. Через несколько лет Лигдамис покинул тамошние края, пе-

²⁸ Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. P., 1966. P. 296 suiv.; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. III. P., 1975. P. 927 suiv.

²⁹ Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации... С. 110–121.

³⁰ Там же. С. 130.

³¹ О весьма вероятных династических контактах киммерийцев с карийцами см. Тохтасьев С.Р. Имя киммерийского царя Λύδασις // История и языки древнего Востока. Памяти И.М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 299–306; Tokhtas'ev S.R. Der Name des kimmerischen Königs Lygdamis // Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme. Panionion-Symposium, Güzelçamlı 26. Sept. – 1. Okt. 1999 (Milesische Forschungen. 5). Mainz am Rhein, 2007. S. 605–610.

³² См. подробнее Tokhtas'ev S.R. Zum Volksnamen «Treren» // Actes [du] 2e Symposium international des études thraciennes «Thrace ancienne». T. I. Komotini, 1997. S. 109–113.

редав эти владения грекам обратно, «и приенцы взяли их себе, а из самосцев не появился тогда и вовсе никто». Нашествие киммерийской орды, о котором говорится так, словно оно было относительно недавно, произошло еще в 40-х годах VII в. до н.э., за 300 лет до Лисимаха. Между тем в надписи указано даже точное число лет пребывания киммерийцев в этом районе (по остаткам букв восстанавливается от «трех» до «десяти»). Могла ли такая традиция сохраниться в одной устной передаче? А.И. Иванчик отвечает на этот вопрос утвердительно (с. 126). В самом деле, конфликт Приены с Самосом из-за земель на материке начался вскоре после ухода киммерийцев, те или иные события, связанные с ним, фиксировались в семейных преданиях, приенские женщины клялись «мраком у Дрии» (место, где приенцы потерпели жестокое поражение от самосцев, Arist. fr. 576 Rose³³); конфликт, в который был втянут и Милет, очень рано приобрел общегреческую известность благодаря причастности к нему приенца Бианта, одного из Семи мудрецов. Все же, по-моему, нельзя полностью исключать и существования каких-то письменных источников. Едва ли можно сомневаться, что эти важнейшие для обоих полисов события так или иначе отражались в местном стихотворчестве³³. В настоящее время едва ли не все специалисты отрицают существование в греческих полисах и крупных святилищах локальных хроник вплоть до второй половины или конца V в. до н.э.³⁴ Судя по всему, это мнение справедливо, но какие-то погодные записи, несомненно, велись и в VI в. до н.э., а в наиболее культурно развитых городах Ионии, возможно, и раньше. Наиболее известный пример – надпись из Милета со списком эсимнетов коллегии мольпов, годовых эпонимов, начиная с 525/4 или 540/39 г.³⁵; сама коллегия существовала там исконно, но, вероятно, эсимнеты стали эпонимами не сразу. Наконец, существовали генеалогии знатных родов, которые издавна фиксировались письменно, иногда даже на камне. Так, с Хиоса происходит надгробная стела примерно первой четверти V в. до н.э. со списком 14 предков некоего Геропифа³⁶, доводящая его генеалогию, если, по примеру Геродота (II. 149. 2), считать по три поколения за 100 лет, почти до середины X в. Как и списки магистратов, генеалогии играли роль своего рода мнемонического средства, помогая сохранить память о деяниях предков в устной традиции.

А.И. Иванчик очень увлекательно разбирает сюжет о гибели киммерийцев, якобы вымерших благодаря отравлению аконитом в окрестностях Гераклеи Понтийской (с. 127–134), и справедливо признает этот рассказ относительно поздней конструкцией. Я, однако, совсем не уверен, что сама по себе традиция о пребывании киммерийцев в Вифинии и Мариандинии столь же недостоверна. То, что генеалогия мариандинов от Киммерия просто придумана местными историками, – еще не аргумент (таких генеалогий у гераклейских историков и в «Вифинской истории» Арриана – множество, что не мешает отыскивать в других их сообщениях исторические факты). Отравление киммерийцев аконитом случилось в Мариандинии, Арриан же (FGrHist. 156. F 60) говорит об изгнании киммерийцев фракийцами из Вифинии и даже называет имя царя последних. Что здесь заведомо неправдоподобно?

Во всяком случае гораздо интереснее для историка глава 2.3, посвященная традиции о пребывании киммерийцев в районе Синопы (с. 135–161). В сущности здесь представлен подробнейший и тщательный разбор всех данных о ранней истории Синопы, впервые после крайне неудачной книги А. Ланджеллы (*Langella A. Sulle origini di Sinope. Napoli, 1997*), на которую А.И. Иванчик потратил немало критических стрел (по-моему, с избытком). С другой стороны, автор демонстрирует, что такое по-настоящему комплексный подход к проблеме: занявшись проблемой киммерийцев в этих местах, он реконструирует древнейшую историю города и ранней колонизации Пафлагонии и Каппадокии, и все это только ради тех же киммерийцев. Киммерийцы, правда, оказываются в итоге как бы на заднем плане, но это, конечно, не повод для упреков, дело в состоянии источников. Каждый, кто занимается историей понтийской колонизации, найдет здесь не только важные и прочно обоснованные заключения, но и много поучительного в отношении методики работы с античными компиляциями, мифографией, хронографией и т.д.

Некоторые частности все же заслуживают обсуждения. В «Перипле» Псевдо-Скимна, который содержит наиболее подробные сведения о начальной истории Синопы, сказано, в частно-

³³ Как в стихах Мимнерма излагалась история Колофона, в частности, войны с Лидией, у Каллина отражена война эфесцев с каким-то врагом, а у Тиртея – спартанцев с мессенцами.

³⁴ См., например: *Meister K. Die griechische Geschichtsschreibung. Stuttgart etc., 1990. S. 25.*

³⁵ См. новейшее издание и капитальное исследование: *Herda A. Der Apollon-Delphinios-Kult in Milet und die Neujahrsprozession nach Didyma (Milesische Forschungen. 4). Mainz am Rhein, 2006.*

³⁶ *Латышев В.В. Неизданные надписи острова Хиоса // Известия Археологической комиссии. Н.С. Т. IV. 1890. С. 5–6; Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1961. P. 344. Pl. 65, 46.*

сти, что первый милетский ойкист Синопы, Хаброн, «был, кажется (δοκεῖ), убит киммерийцами» (v. 993 Diller = F 27, 7 sq. Marcotte). Это δοκεῖ, которое А.И. Иванчик упустил из виду, ясно указывает, что перед нами конструкция; должно быть, в источнике «Перипла» говорилось о смерти Хаброна без уточнения ее причин, а рядом – о киммерийском нашествии; связь же обоих событий была, наверное, установлена только Псевдо-Скимном.

Обсуждая проблему аутентичности списка пафлагонских городов и местностей в «Илиаде» (В 853–855), А.И. Иванчик, естественно, становится на точку зрения тех, кто признает его за интерполяцию (с. 152 сл.), хотя бы потому, что пять из шести топонимов – бесспорно греческие, однако каким-то образом упускает из виду, что наличие этих строк в части рукописной традиции Гомера засвидетельствовано около 400 г. до н.э. у Антимаха из Колофона (fr. 13 Gentili – Prato)³⁷. Резонно поставить вопрос: не оказалось ли в руках Антимаха синопское издание «Илиады», другой экземпляр которого позже имелся в Александрийской библиотеке?

Следующая глава посвящена скифским сюжетам у Алкмана (с. 162–168), прежде всего известному свидетельству о некоем «Колаксайском коне». Проблема, как отмечает А.И. Иванчик, не только и не столько в выяснении того, что это был за конь, сколько в определении источника сведений Алкмана. То же касается упоминаний им исседонов (точнее, эсседонов) и Рипейских гор. На самом же деле перед нами целый комплекс проблем: 1) получил ли Алкман эти сведения, проживая в Сардах или уже в Спарте?; 2) был ли конечный источник его знаний скифским (обычное мнение) или киммерийским (мысль А.И. Иванчика)? А.И. Иванчик, подобно М.В. Скржинской³⁸, склоняется к тому, что Алкман получил всю эту информацию в Сардах. Если оставить в стороне общие соображения (в Спарте такого рода сведения получить было якобы трудно – и это в городе, который в VII в. до н.э. был одним из культурных лидеров Балканской Греции, где творил Тиртей, да и сам Алкман?), остается только ссылка А.И. Иванчика на необычную форму Ἑσσηδόνες (fr. 156 PMG) вместо нормальной Ἴσσηδόνες (Аристей, Геродот и др.), которую он пытается объяснить колебанием е:ι в лидийском языке (с. 166). Однако колебание это, вполне возможно, имеет лишь графическую природу, отражая узкое произношение /e/. Важнее, впрочем, что мы находим Essedones также у Помпония Мелы (II. 2 и др.) и Плиния (N. H. IV. 88, вероятно, из Мелы). Конечно, при желании можно постулировать некий источник Мелы и Плиния, использовавший Алкмана. На мой взгляд, проще решить проблему палеографически. Аналогией может служить чередование I- и E- в севернопричерноморском этнониме, имеющем столь разные написания, что даже непонятно, как его передавать по-русски. У Полиэна (VIII. 55) находим Ἰξομάται, у Мелы (I. 114) – Ἰξαμάται, у Аммиана Марцеллина (XXII. 8. 31) – Ἰχομάται; имеются и другие, но нас сейчас должна занимать лишь форма Eχομάται у Валерия Флакка (VI. 144 и др.). Можно ли сомневаться, что EX получилось из имени первых двух букв в ἸΞΟΜΑΤΑΙ греческого прототипа (разновидность диттографии)? Аналогично E- в Ἑσσηδόνες, Essedones могло получиться благодаря слитному написанию начальных ΙΞ.

А.И. Иванчик сам понимает, сколь рискованна его догадка относительно киммерийского источника (ср. с. 168), но не видит другого выхода из апории. Но что мешает нам предположить, что источником служили свежайшие сведения, поступавшие из первых греческих колоний в Северном Причерноморье? Пожалуй, только вопрос о Колаксайском коне.

Я ожидал, что где-то здесь А.И. Иванчик рассмотрит сигнатуры Κιμέριος и Τοῦσσασις под изображениями участников Калидонской охоты на вазе Франсуа³⁹, но по неизвестным причинам автор нигде не упоминает их. В принципе, следовало бы ожидать и упоминания имени амазонки Σκυλεῖα{ι} на аттическом скифосе второй четверти VI в. до н.э. (из ион. *Σκυλεῖη)⁴⁰, однако в более ранней работе⁴¹ А.И. Иванчик высказался против связи его с именем скифского царя Скила, на мой взгляд, напрасно⁴².

³⁷ Ср. Алексеев, Качалова, Тохтасьев. Ук. соч. С. 48. Прим. 77; подробнее: Tokhtas'ev. Die Kimmerier... S. 42 f. Anm. 153.

³⁸ Скржинская М.В. Древнейшее свидетельство о знакомстве греков с мифологией скифов // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 30–33.

³⁹ Ср. она же. Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII–VI вв. до н.э. // ВДИ. 1986. № 4. С. 87, 94.

⁴⁰ См. там же. С. 91.

⁴¹ Иванчик А.И. Кем были «скифские лучники» на аттических вазах эпохи архаики? I // ВДИ. 2002. № 3. С. 47.

⁴² Тохтасьев С.Р. Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iaşi, 2005. С. 69. Прим. 59.

В отличие от многих коллег, приветствовавших оригинальную и очень остроумную интерпретацию А.И. Иванчином новеллы Полиэна о способе борьбы лидийского царя Алиатта с киммерийцами (VII. 2) и дальнейшие построения исследователя о «воинах-псах» (с. 169–189), я продолжаю относиться к ней крайне скептически⁴³. Однако здесь не место разбирать конструкции автора, во многом основанные на полностью ошибочных, как теперь выясняется, представлениях о скифском языке, якобы особой языковой близости скифов и сарматов вместе с осетинами, потомками одного из сарматских племен, благодаря чему делается возможным экстраполировать в скифскую древность данные осетинского эпоса или этнографии⁴⁴. Эти взгляды, которые у нас особенно активно развивал В.И. Абаев, были несколько модифицированы Э.А. Грантовским, одним из учителей А.И. Иванчика, и в таком виде безоговорочно им восприняты. Отсюда неточные, ошибочные или даже невероятные этимологии скифских имен, впрочем, большей частью не его собственные (с. 163, 183, 222), сопоставления *афсургов*, чудесных коней осетинского фольклора, с Колаксайским конем Алкмана (с. 164–166) и военных походов скифской молодежи у Трога Помпея с осетинскими *балцами*, многолетними походами эпических героев, собственно, мужских союзов, с которыми тесно связано божество-покровитель волков Тутьр (с. 183–187), и т.д.

Напротив, следующие две главы книги (2.6–2.7) оставляют самое благоприятное впечатление, в том числе с методической точки зрения. В гл. 2.6 А.И. Иванчик подвергает пристальному рассмотрению любопытнейшую традицию о скифо-египетской войне, начиная с рассказа Геродота о походе на скифов фараона Сесостриса. Эта традиция, развиваясь в течение веков, стала столь запутанной, что нужен был такой увлеченный и усердный исследователь, как А.И. Иванчик (имевший, впрочем, немало предшественников на этом поприще⁴⁵), чтобы разобраться во всех ее деталях, наглядное представление о которых дает схема (лучше, стемма) ее развития с V в. до н.э. вплоть до Орозия (с. 220). Оказывается, развивались не только отдельные мотивы и сюжетные компоненты, но, в зависимости от пристрастий автора той или иной «редакции», менялась политическая или идеологическая направленность предания. Согласно А.И. Иванчику, в его основе лежит некий памятник египетского фольклора, подвергшийся существенной трансформации в местной греческой среде, а затем и у самого Геродота; его рассказ о Сесострисе (Сенусерте) лег в основу многих позднейших версий. Но несколько позже появилась еще одна независимая от Геродота версия, где фараон назван Сесоосисом, затем третья – о Сесонхосисе (Шешонке), наконец, появилась версия, согласно которой в египетско-скифской войне победили скифы; А.И. Иванчик приписывает ее создание Эфору. Завершающие эту главу слова хочется привести *in extenso*: «...греческая традиция о Сесострисе и его войне со скифами вряд ли может дать что-нибудь историку фараоновского Египта. Однако она дает достаточно много историку античности, показывая не только способ обращения античных авторов с источниками и характер их отношения к историческому прошлому, но и то, какие отношения существовали между греческой и варварской историческими традициями в классическую, эллинистическую и римскую эпохи» (с. 219).

Заключительная глава книги посвящена уже вполне исторической материи: данным о событиях, которые у Геродота отнесены ко времени от появления скифов в «Азии» и до их «возвращения» в отобранные у киммерийцев степи, а у Трога Помпея отнесены ко «второму владычеству» скифов в «Азии». Впрочем, А.И. Иванчик, как и ряд других исследователей, усматривает у обоих авторов следы скифских исторических преданий, но это все-таки не рассказы о походе Сесостриса в Скифию. В итоге А.И. Иванчик в целом очень убедительно восстанавливает ход событий и, насколько это возможно, их хронологию. Следует специально отметить резко критическое отношение автора к недавним попыткам (откровенно дилетантского свойства) опровергнуть историчность скифской гегемонии в Передней Азии в третьей четверти VII в. до н.э. и вторжения скифов в Палестину. С другой стороны, он и здесь демонстрирует здравый взгляд на сущность раннегреческой хронографии, основанной на синхронизмах и счете по поколениям. Прочную основу могут дать почти исключительно клинописные и иногда библейские тексты: из этого положения следует исходить в датировках событий скифской (и ранее – киммерийской) истории.

⁴³ Ср. также *Diakonoff I.M. Two Recent Studies of Indo-Iranian Origins // JAOS. 1985. 115/3. P. 476: «...a theory which I do not think holds water».*

⁴⁴ История вопроса подробно изложена вместе с обзором этимологий важнейших скифских лексем в ст.: *Тохташев. Проблема скифского языка... С. 59–108.*

⁴⁵ А.И. Иванчику осталась неизвестна или недоступна статья *Castillo A. de. Precisiones sobre el sentido de las conquistas de Sesostris-Ramses en Heródoto y Tácito // Estudios humanísticos. 1984 (Univ. de León). VI. P. 9–17.*

Поскольку я собираюсь вскоре рассмотреть некоторые ключевые вопросы истории Передней Азии времени «скифского владычества» в другом месте, ограничусь лишь одним замечанием общего характера. Фольклорные элементы в рассказах Геродота и Трога Помпея, вполне возможно, действительно имеются. Нельзя, однако, забывать, что оба автора в той или иной мере опираются на собственно греческие исторические новеллы, поэтому отличить, с каким именно фольклорным источником мы имеем дело, очень непросто. Особенно это касается Трога Помпея, изложение которого вообще ближе к роману (типа романа об Александре, греко-египетского романа о Нине или наиболее древнего памятника подобного рода словесности – арамейского сказания о Сарбанабале и Сармуге⁴⁶), нежели к историческому повествованию. Далее, кроме скифских преданий существовали еще и мидийские (мидо-персидские), и для времени логографов, а тем более Геродота, усматривать в них туземный компонент повествований Геродота и Трога Помпея много естественнее. Совершенно загадочен источник знаний Геродота о скифском царе Прототии, отце знаменитого Мадия (I. 103. 3); этот царь упоминается в ассирийском источнике около 671 г. до н.э. Каким образом его имя могло сохраняться вплоть до времени первых логографов или Геродота⁴⁷? А.И. Иванчик, к сожалению, не уделил этому вопросу должного внимания. Может быть, учитывая практически не подвергшийся искажению в греческом облик имени, следует предположить здесь мидийский источник?

Завершая обзор новой монографии А.И. Иванчика, я хотел бы подчеркнуть, что все высказанные критические замечания преследовали следующие цели: во-первых, по мере сил способствовать подготовке второго улучшенного и дополненного издания книги (раз автор выпустил в сущности два издания своих «Киммерийцев», почему бы ему не поступить так же и с этой книгой? немецкий дублет – не в счет), а во-вторых, всячески приветствовать ее появление. Учитывая, сколь мало подобных трудов выходит у нас, не сделать этого было бы просто стыдно.

С.Р. Тохтасьев

⁴⁶ Steiner R.C., Nims C.F. Ashurbanipal and Shamas-Shum-ukin. A Tale of Two Brothers from the Aramaic Text in Demotic Script // *Revue Biblique*. 1985.

⁴⁷ Ср. Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнокультурной атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. 1993. № 2. С. 95.